

СИНЯВСКАЯ ЛАНА

**ПРОКЛЯТИЕ
ГИБЛОГО ХУТОРА**

Синявская Лана - участница телевизионного проекта
"Битва экстрасенсов"

Лана Синявская

Проклятие Гиблого хутора

«Автор»

2010

Синявская Л.

Проклятие Гиблого хутора / Л. Синявская — «Автор», 2010

Странные вещи стали твориться в дачном поселке этим летом: сначала пропали кошки, затем сдохли мелкие птички, потом начали погибать люди. Стася и ее друзья считают, что ответ нужно искать на Острове, где, по легенде, сотни лет назад стоял Гиблый хутор. Но говорят, что ходить туда смертельно опасно. Правильно, в общем-то, говорят... Действие мистического триллера развивается настолько стремительно, что остановиться невозможно..... Оно и понятно - лето, таинственная Купальская ночь и, конечно, клад. Но попробуй отними сокровища у призраков! Обложка художника Синявской Ланы

© Синявская Л., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лана Синявская

Проклятие Гиблого хутора

Глава 1

На моей памяти Кривой дом всегда пустовал.

Даже десять лет назад, когда родители купили дачу на Кордоне, этот дом выглядел заброшенным.

Не знаю, кто и когда построил его – это случилось задолго до меня – и почему не воспользовался. Слухи ходили разные. Поначалу меня мучило любопытство, я с детской непосредственностью приставала с вопросами к соседям и новым друзьям, но первые почему-то отмалчивались, а вторые изобретали версии одна хлеще другой.

Постепенно я привыкла к дому и даже перестала замечать его. За много лет участок совершенно зарос подлеском и крапивой, из-за поросли молодых вязов торчала одна крыша, так что со временем даже наши вылазки в эту сторону с целью поиграть в казаки-разбойники или в поиски пиратских сокровищ совсем прекратились. Взрослые и подавно обходили дом стороной.

Понятия не имею, почему возникло такое правило – ничего сверхъестественного за последние десять лет в Кривом доме не произошло, разве что крапива да лопухи колосились там гуще обычного, – но как-то незаметно у меня появилось стойкое ощущение, что это «нехорошее место».

Возможно, что виной всему мрачный вид добротного двухэтажного особняка или ошибка в расчетах при строительстве: Кривой дом с самого начала ощутимо кренился на бок, словно пытаясь спрятаться в тени огромных дубов. На вид ему было лет тридцать, и когда-то он выглядел очень красивым: с пологой синей крышей, большой верандой, высокими окнами. Но сейчас все окна на втором этаже, серые от пыли, были разбиты, на стенах виднелись темные пятна протечек, на крыше не хватало черепицы, а покосившиеся ставни раскачивались ветром.

Так было в прошлом году. Сегодня в окнах Кривого дома горел свет...

В этот раз я откровенно припозднилась, дачный сезон давно начался – на дворе уже июль. Виной всему – хвост: вредный препод по матанализу завалил весь наш поток из чисто спортивного интереса. А, может, ему просто на лето поехать было некуда?

Еще неделя ушла на сборы и тщетные попытки родителей затащить меня на лето в сад. Несмотря на то, что сама я давно считала себя взрослой, для папы и мамы со времен яслей ничего не изменилось: тотальный контроль, шаг влево, шаг вправо – расстрел. Из-за этого у меня еще ни разу не было серьезных отношений, многочисленные поклонники отпадали на стадии обязательного семейного чаепития. Это, я вам скажу, то еще представление, особенно, когда к делу подключается бабуля, а подключается она перманентно.

Самое смешное, что родителей «накрыло» не так давно, не всегда они были такими правильными, поэтому детство у меня было замечательное: полный дом народу и абсолютная свобода. Я могла лечь спать когда угодно и где угодно, могла даже переночевать у подружки по детскому садику – родители за обсуждением последних новостей культурной жизни с коллегами по цеху этого даже не замечали. Да, забыла сказать, что мои родители – художники. На мне природа отдохнула, и рисовать я не умею совершенно, у меня вообще мозги как-то по-другому устроены, мне нравится наблюдать, анализировать и делать выводы. Кажется, это называется логический склад ума и считается ужасно скучным. Но я ничего, не жалуюсь.

Перекося моих родителей из варяг в греки, то есть, я хотела сказать из богемы в обывателей, произошел лет пять назад, когда папина сестра оставила им садовый участок, переехав в другой город. И родители помешались на огородничестве.

От меня ожидали, что я тоже примусь копать ямки и полоть сорняки, но что-то не спослось. Нет, я ничего не имею против всех этих груш-яблок-топинамбуров, если бы только они росли сами по себе, не требуя моего постоянного обслуживания. Но это не так.

Вот уже пятый год происходит одно и то же. Весной подоконники заполняют шеренги криво обрезанных молочных пакетов, в которых сидят новорожденные огурцы и помидоры, которые нужно прогуливать на балконе, как только проглянет солнышко. Едва сойдет снег, мы принимаемся копать грядки, а в начале мая приходит пора сажать картофель. Я пыталась внести разумное предложение закупить на осенней ярмарке грузовик этого замечательного овоща и засыпать им все свободные помещения в доме, но меня не приняли всерьез, под конец обвинив в том, что я собираюсь оставить семью без собственного молодого картофеля, экологически чистого, разумеется.

Самым страшным испытанием для меня в прошлом году оказалась добыча навоза. Меньше трех тонн в одни руки не давали, а мне, как самой молодой и априори энергичной, доверили сопровождать этот ценный груз. Раньше, как я слышала, запахом коровьих лепешек лечили легочных больных. Если так, то, похоже, идеальные легкие мне обеспечены пожизненно.

Моя беда в том, что я реалистка и знаю, на что будут похожи наши помидоры, даже удобренные этим навозом: по цвету и размеру они будут походить на хороший, крупный виноград. На вкус – гораздо хуже. А наши огурцы я узнаю из сотни других – только наши скручены в замысловатые крендельки и покрыты колючками, что твой кактус. Яблоки, капуста и морковь у нас, наверное, растут вкусные. Иначе с чего бы их еще до созревания подчистую сжирали слизняки и всевозможные гусеницы?

Единственное, что у нас стабильно дает урожай – это ревень! Его ежегодно выкорчевывают по весне, но к осени он вновь гордо колосится по всему участку. Я перепробовала все существующие на свете блюда из ревеня: пироги с ревенем, кисель из ревеня, компот и даже варенье. Жаль, что у меня на ревень аллергия.

В этом году я устроила бунт и вместо огородного рабства выбрала кордонную вольницу.

Приткнув свой Фиат по прозвищу «Феня» возле дощатой стены нашего малогабаритного домика, я заглушила мотор, выбралась наружу и глубоко, с удовольствием, вдохнула. Пахло листвой, сосновой хвоей и немного рекой. Идиллию нарушил случайно брошенный через дорогу взгляд: в доме с синей крышей горел свет. Я как раз собиралась зевнуть и от неожиданности застыла с открытым ртом. Со стороны вид у меня был, должно быть, идиотский.

Дело в том, что Кордон – явление довольно необычное. Полсотни разномастных домиков были построены прямо посреди леса, на высоком речном берегу. Домушки в большинстве своем были мелкие, по нынешним временам непрезентабельные, заборы между участками отсутствовали как класс – за этим следили лесники, – и теснились буквально друг у друга на голове. Выйдя поутру на крылечко, вы могли, не напрягаясь разглядеть, каким мылом умывается сосед слева, и что бог послал на завтрак соседке справа. Причем все это одновременно.

На Кордоне все знали всех, дети росли и выросли на глазах, но чужих здесь не жаловали. Мы, как мне кажется, были последними новообращенными за десять лет, да и то старожилы до сих пор считали нас новичками.

И вот кто-то вселился в заброшенный дом.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что Кривой дом здорово изменился. Его обнесли кованым забором – ау, лесники, где вы? – обшили сайдингом, перекрыли крышу и вставили современные пластиковые рамы. Деревьев на участке поубавилось – еще один привет

лесникам – их место заняли пышные клумбы, что для нашего поселка дело неслыханное: из-за высоких деревьев во дворах отказывались расти даже вездесущие одуванчики.

В воздухе отчетливо запахло большими деньгами. Почему-то меня это расстроило.

Через полчаса я забыла о новых соседях, пыхтя под тяжестью тюков с летним скарбом. Потом пришлось раскладывать продукты, мыть полы и застилать постель. Наконец, все было готово, и я огляделась. В домике была всего одна комната и, на мой взгляд, в ней давно следовало поменять обои – они были слишком мрачные. Ковер на полу когда-то назывался персидским, но это было еще до того, как на нем появились внушительные проплешины, а ворс превратился в один большой колтун. Разномастная мебель теснилась вдоль стен, отчего комната напоминала склад старьевщика – традиция стаскивать на дачу все, что жалко выбросить на помойку, всегда меня раздражала, – но бабушка отстаивала каждую вещь, и переубедить ее не представлялось возможным. Старомодный пузатый комод с вычурной резьбой, кровать, диван и раскладное кресло, которое на моей памяти никогда не раскладывали, пара тумбочек со сломанными ящиками и висящей на одной петле дверцей, журнальный столик с потрескавшейся столешницей, накрытый для солидности тяжелой вышитой скатертью, пять ламп, из которых горела только одна и почивший в бозе телевизор Рекорд – светлая ему память. Будь моя воля, я бы давно вытряхнула все это барахло, и сделала светлую, веселую комнату, но кому есть дело до моего мнения?

В лесу темнеет быстро и к тому времени, когда я поняла, что в доме не осталось воды, за окном стояла темень, хоть глаз выколи. После зимы, проведенной в городе, густая темнота леса казалась неудобной и слегка пугающей, и я немного постояла на крыльце, привыкая.

Чаю хотелось нестерпимо.

Поход «к дяде Васе» был неминуем.

Предположительно, дядей Васей звали сторожа, который в незапамятные времена вырыл первый колодец с родниковой водой, но доподлинно это неизвестно. Вода у дяди Васи была вкусная, чистая и «аборигены» до сих пор ходили в неблизкий путь, если хотели напиться свежего чая. Такая уж была традиция.

Раздумывая об этом, я едва не сбила с ног старую подружку, Дарью.

– Привет! – хором воскликнули мы и рассмеялись.

– К дяде Васе? – кивнула Дашка на пустое ведро. – Я тебя провожу.

Мы пошли рядом, наперебой делясь последними новостями.

– Надолго сюда? – поинтересовалась Дарья ревниво.

– До конца лета. А кто из наших здесь?

– Да все, кроме тебя, – рассмеялась подруга. – И в лагере смена уже началась. Есть прикольные мальчишки. – Она многозначительно усмехнулась и поправила фотокамеру, с которой не расставалась ни днем, ни ночью.

Дашка у нас фотограф. И не какой-то там любитель. Корифей! Ее фотки печатают все глянцевого журналы, в том числе и за границей, почти каждый год проходят персональные фотовыставки, где многие работы покупают ценители ее творчества. При желании она давно могла бы перебраться в Москву или даже в Париж, но Дашка не торопится. Мне кажется, я догадываюсь, почему. У нашей Дашки имеется одна слабость, такая ахиллесова пята, точнее, мозоль на этой пяте по имени Вилли. По-моему, подружка влюблена в него чуть ли не с пеленок, хотя менее подходящего объекта для страсти трудно сыскать. Вилли, или, в просторечии, Валентин, бабник по жизни, но стойкую Дашку это, похоже, не смущает. Цельная натура, черт ее побери.

– Видала? – небрежно мотнула головой Дашка, когда мы подошли к моему дому.

– А то! – кивнула я и тоже взглянула на Кривой дом. – Лихо взялись, ничего не скажешь. Кто это у нас такой шустрый?

– Да так, торгаш один, – туманно пояснила подруга и, дурачась, добавила официальным тоном: – С дочерью. Денег – немерено. Снаружи еще ничего, а вот внутри дома – полный ребрендинг.

– Ого!

– Ага! Вообще-то, я на него работаю. Да не пугайся, – рассмеялась она, заметив мой удивленный взгляд, – не продавцом в палатке, до этого пока не дошло. Дядечка при деньгах и продает не морковку оптом, а шиншиллу с норкой в розницу.

– Шубы, что ли?

– Ну да. Причем не только у нас, но и за границу. Я ему как раз экспортный каталог снимаю.

Я понимающе улыбнулась. Когда-то карьера Дарьи началась именно с каталога модной одежды. Ее тогдашний сердечный друг устроился фотографом в какой-то гипермаркет, но заказчик порвал его фотки в клочки и спустил парня с лестницы. Потерпевший фиаско кавалер припелся домой и немедленно впал в депрессию, а Дашка помчалась спасать ситуацию. Не то, чтобы кавалер ей сильно нравился, просто она по природе своей сердобольная. В результате ей удалось из модели, платья, обуви и аксессуаров собрать безупречное и элегантное целое и это решило ее судьбу.

Неожиданно Дарья пригнулась к моему уху и прошептала:

– Ох, Стаська, здесь такое творится!

– Что? – я немного опешила, так как ни разу не видела Дашку в столь ажитированном состоянии.

Она округлила глаза:

– Ты не поверишь! Я такое раскопала! Такое!

– Расскажи, не томи! – взмолилась я.

– Времени нет, – с сожалением вздохнула она, бросив взгляд на часы, – тут в двух словах не скажешь, а у меня сегодня... Ладно, до завтра ничего не случится...

Она на прощанье взмахнула рукой и поспешила по тропинке в сторону своего дома. Я немного посмотрела ей вслед, обдумывая ее интригующие слова, и побрела в дом, не подозревая о том, как сильно ошибалась Даша.

Глава 2

Утро началось паршиво. Ночью я ворочалась с боку на бок, прислушиваясь к непонятным звукам за окном. Потом долго лежала на спине с открытыми глазами. Бледный свет луны проникал в комнату и рисовал на потолке причудливые узоры. Уговоры типа того, что в лесу постоянно что-то шуршит, хрустит и временами даже подвывает, не помогали, но я честно старалась до тех пор, пока не рассвело.

Короче говоря, к восьми часам я встала с постели в состоянии грогги. Однако, заставив себя выползти на крыльцо, слегка воспряла духом. Солнце едва поднялось над деревьями, по лесу стелилась легкая дымка, на листьях и траве сверкала роса. Благодать!

Вода в рукомойнике была ледяная, что помогло мне окончательно сбросить с себя ночное оцепенение. Не открывая глаз, я нашарила полотенце, вытерла физиономию, а когда потянулась повесить его обратно на удобный сучок, заметила на крыше летней кухни серые одинаковые комочки непонятного происхождения. Собственно, кухня – это громко сказано, так, сараюшка. Нижний скат крыши приходился как раз на уровень моих глаз. И вот там, среди веточек, прошлогодних листьев и прочего мусора лежали пять трупов.

Это были птицы. Мертвые. Серые тельца с потускневшими перышками и плотно закрытыми глазками. Обычные трясогузки – вокруг их гнездилось великое множество, но я никогда прежде не видела их мертвыми. Я вообще никогда не видела мертвых птиц.

Мне стало не по себе. Нужно было что-то делать – не оставлять же их здесь. Воровато оглядываясь на соседские дворы, я сгребла останки на кусок картонной коробки и отнесла за дом, где закопала под большим кустом сирени – предметом особой гордости моей матушки.

Заходить в кухню как-то расхотелось, но растущий организм, несмотря на пережитое потрясение, требовал положенной порции горячей еды. Достать еду на Кордоне можно было только в одном месте, и я направилась в столовую.

Столовая принадлежала спортивному студенческому лагерю, и кормили там паршиво, но иногда местные дачники – когда надоедало питаться всухомятку, – забегали туда перехватить каких-нибудь пирожков, а то и молочной каши. Тем более, что вся эта роскошь стоила смешные деньги.

В дверях по причине завтрака образовалась привычная давка и меня едва не сшиб с ног вертлявый, очень худой парень в низко надвинутой на глаза бейсболке. В последний момент, предотвратив прямой контакт со стеной, я рывкнула:

– Чтоб тебя!

– Пардон, мадам, зазевался! – подал голос парень, и я с опозданием признала Юрика, своего старого друга. Он тоже меня узнал, завопив: – Стаська! Хорошо, что ты приехала!

И тут же бросился обниматься.

– Спасибо за горячий прием! – Я выразительно потерла ушибленный локоть. Юрка легко согласился, оценив мой слегка помятый вид:

– Кажется, я переборщил. Черт, как неловко. Прости, я сегодня не в форме.

В доказательство он приподнял козырек бейсболки, и я немедленно с ним согласилась, увидев отекавшие, красные глаза.

Надо сказать, Юрик вызывал у меня смешанные чувства. С одной стороны, мы были знакомы с детства, с другой – он в нашей компании являлся чем-то вроде бесплатного приложения к красавчику Вилли: рыжий, коротко стриженный по причине вечных проблем с волосами, с бледно-голубыми глазами и глупой улыбкой. Светлый пушок над губой, который он выдавал за усы, придавал ему неряшливый вид. Чтобы хоть как-то выделяться, он гордо носил в ухе хрустальную серьгу. Потуги Юрки прослыть остряком и балагуром не имели успеха – он всегда умудрялся ляпнуть что-нибудь невпопад. Но один талант у Юрика бесспорно был – на гитаре

он играл как бог. Правда, был и серьезный недостаток – Юрка пил, как сапожник, неизменно пребывая в двух стадиях: «ни петь, ни танцевать» и «с большого бодуна». В данный момент преобладала вторая.

Было здорово заметно, что вид и запах столовской еды вызывает у друга здоровое отвращение. Пересилив себя, он бухнул на поднос стакан с чаем, едва не расплескав половину, быстро расплатился и понуро убрел на поиски столика. Я взяла овощной салат, тарелку овсянки и два пирожка с капустой.

Юрик обнаружился у самого входа. Сгрузив свой скудный завтрак на единственный свободный стол, он старательно махал мне рукой.

Наконец мы уселись, и я первым делом задала вопрос, больше из вежливости:

– Где это ты вчера так отдохнул?

Друг неожиданно возмутился:

– Отдохнул? – страдальчески воскликнул он. – Да я всю ночь пахал как проклятый!

– В лагере на дискотеке? – предположила я, так как летом это был его основной вид заработка.

– Бери выше! На свадьбу пригласили. Все как у больших.

– Не гони, – беззлобно посоветовала я. – Никакой гульбы вчера не наблюдалось, я бы знала.

– А кто говорит про Кордон? – обиделся Юрка. – Я в другом месте играл.

– В Орловке, что ли?

– Нет, на острове.

Пару минут мне понадобилось, чтобы переварить услышанное, точнее, сообразить, как реагировать на этот бред. Я уже всерьез подумывала о том, не вызвать ли скорую помощь, но в последний момент решила повременить и зашла с другого конца:

– По-моему, тебе пора завязывать с выпивкой. Что ты несешь? Какая свадьба на острове? Там же никто не живет! И вообще...

– Много ты знаешь, – фыркнул Юрка. – Живет – не живет. Была свадьба!

– Где? На лужайке под кустом женились курица с клестом?

– Что? Тыфу на тебя! Какая курица? Все как положено было: дом большой, молодожены, гости, водка...

– Куда ж без нее, – пробормотала я. – Ладно, допустим. А ты как туда попал? Вплавь, что ли?

– Скажешь тоже: вплавь! Я что, похож на идиота?

– Вообще-то да.

– Сама дура, – парировал он. – На машине меня отвезли.

– Что за машина? Откуда?

– Почем мне знать? Я у них паспорт не спрашивал. Подъехали, денег предложили, и – айда.

– Денег, значит, предложили?

– Ага. Вот, смотри! – Юрик сунул руку в глубокий карман необъятных штанов, пошуршал там и ... вывалил на стол пригоршню сухих листьев.

– Ты че творишь? – зашипела я. – Щас нас попрут отсюда с треском! Убирай быстрее свой гербарий. Как маленький, в самом деле!

Но Юрка меня будто не слышал, непонимающе глядя на жалкую кучку опавшей листвы. Наконец, он поднял на меня ошалелый взгляд и жалобно спросил:

– Это что?

– Листья, – терпеливо пояснила я. – Это вот – береза, а это, кажется ольха. Или вяз? Впрочем, какая разница? Убирай их поскорее, очень тебя прошу. Вон уборщица уже на нас косо поглядывает.

– Блин! Я ж помню, что деньги в этот карман положил! – Он снова полез в карман, но ничего нового там не нашел и снова уставился на листья. Поняв, что толку от него не дождусь, я расторопно сгребла мусор на поднос и выбросила в ближайшую мусорную корзину. Когда вернулась к столу, Юрик совсем сник.

– Может, тебе кошмар приснился? – попыталась я его утешить, прекрасно помня, что на почве большой дружбы с зеленым змием с другом случалось и не такое. Юрка вяло пожал плечами, шмыгнул носом и буркнул:

– Я же все помню. Только вот куда деньги дел, твою мать?

Ясно: парень словил белочку. Не впервой. В принципе, я готова поверить во что угодно, но свадьба на острове – это полный бред! Этого не может быть, потому, что не может быть никогда! Так уж случилось, что это место в наших краях считалось проклятым. Не то, чтобы в это особенно кто-то верил, но ходить туда не ходили. Возможно, потому, что со всех сторон остров окружала вода, а берега были на редкость обрывистыми, но были и другие причины.

Дело в том, что название «Кордон» взялось не с потолка. Согласно легенде, когда-то здесь стоял лагерь не то Емельян Пугачев, не то Стенька Разин. Мнения разделялись, хотя в пользу последнего имелся значительный перевес. Разумеется, никаких документальных подтверждений никто в глаза не видел, но слухи ходили самые разные. Местный фольклор гласил, что на острове находится замок, в котором до сих пор обитает та самая персидская княжна, которую Стенька под горячую руку утопил в Волге. Замок, правда, никто не видел, а вот призрак княжны регулярно пугал отдыхающих. Каждый год то один, то другой вдохновенно живописал незабываемую встречу, только вот, как назло, все очевидцы находились в сильном подпитии и особого доверия не вызывали. Лично я на трезвую голову ни разу никаких призраков не видела.

Другая легенда – да, да, была еще и другая! – гласила, что остров пронизан подземными ходами, как швейцарский сыр – дырками, но кто и зачем их прорыл, окутано тайной. Поминались, правда, сокровища все того же Стеньки Разина (или Пугачева?), но в это верилось еще меньше, чем в княжну.

Так или иначе, народ острова упорно избегал. В былые годы находились смельчаки, не сумевшие сдержать природного любопытства, но мало кто из них вернулся назад. И это уже чистая правда.

По рассказам остальных остров представлял собой холмистую местность, густо поросшую лесом и испещренную оврагами и маленькими, но очень зловредными топями, затянутыми туманом даже в самый погожий день. Болтали о высохших колодцах-ловушках, в которые легко угодить и никогда уже не выбраться. Кто-то видел избушку, брошенную неведомыми жильцами, где по сей день сохранилась утварь столетней давности, давно вышедшая из обихода. Рассказывали о «роще пьяных берез» и «склоне бешеных молний», но что означают эти названия, мне лично было неизвестно.

В общем, говорили об острове неохотно и как бы шепотом. В детстве мы не раз пытались совершить вылазку в это загадочное место, – как водится, искали приключений на свою пятую точку, – но каждый раз бывали остановлены бдительными родителями и примерно наказаны.

– Переходи на компот, Юрик, – посоветовала я, окунувшись в воспоминания.

– Да что ты заладила? – обозлился он. – Мне не веришь – Дашку спроси.

– Она-то тут каким боком?

– Тем самым, – отрезал Юрик. – Это была ее свадьба.

Поначалу я опешила. Потом припомнила вчерашнее настроение подруги, ее загадочные, интригующие слова. Дашка по природе своей была авантюристкой, не боялась ни бога, ни черта, а ради удачного кадра легко могла влипнуть в историю. Не так давно ее занесло в криминальный район, да не где-нибудь – в Лондоне! Не вдаваясь в подробности, скажу, что она только чудом унесла оттуда ноги, зато позднее ее фотография получила гран-при на каком-то престижном международном конкурсе.

– Ты говори, да не заговаривайся! – с угрозой в голосе попросила я, так как не на шутку испугалась. Appetit пропал напрочь. Я бросила ложку в тарелку с недоеденной кашей, взяла стакан с чаем и решительно встала из-за стола, собираясь немедленно поговорить со своей подругой. А Юрку предупредила: – Пока не проспийся – не подходи.

Возражения приятеля я оставила без внимания, повернулась, чтобы уйти, да запнулась о ножку стула и, жалобно пискнув, начала заваливаться на бок.

Сильные руки не дали мне упасть – уже в следующую секунду я оказалась прижатой к мускулистой широкой груди заодно со злополучным стаканом, который не успела поставить на стол. Задрав голову, я увидела довольное лицо Вениамина, в просторечии – Вилли, и пробормотала с чувством:

– Нет, сегодня точно не мой день. Расслабься, Вилли.

Приятель улыбнулся мне своей неотразимой улыбкой. Я всегда подозревала, что он долго репетировал ее перед зеркалом в расчете на то, что она растопит любое девичье сердце и, в общем-то, не прогадал: девчонки валились к его ногам, как спелые мандарины. Что касается меня, то мое сердце, очевидно, было с дефектом – либо я родилась свежемороженой, – Вилькино обаяние на меня не действовало.

Объективно Вилли был рослым парнем с волосами спелой ржи, отросшими до той длины, когда рожь принято жать. Наивно-лукавое выражение пронзительно-синих глаз и сверкающие белизной зубы были великолепны, однако для меня не вполне компенсировали неприятное впечатление от циничного изгиба губ.

– Ты, Стаська, наконец-то подросла, – с ходу отвесил он мне комплимент и попытался на глаз оценить качество моего нижнего белья через глубокий вырез неосторожно надетой поутру кофточки. Судя по довольной улыбке, первичный осмотр его вполне удовлетворил, а у меня вызвал желание вылить остатки жидкого столовского чая ему за шиворот. Стакан я вернула на стол – подальше от соблазна, – и уперлась рукой ему в грудь, пытаясь на понятном ему языке дать понять, чтобы он катился к черту. Бесполезно. У меня не хватило бы сил даже на то, чтобы просто сдвинуть его с места.

Продолжая ухмыляться, Вилли наклонился и чмокнул меня в щеку. Метил он, как водится, в губы, но мне посчастливилось вовремя увернуться.

– Нахал, – буркнула я.

– И тебе это нравится, – парировал приятель.

– Только не мне!

– Ты прелесть, малышка!

– Не смей меня так называть! – Некоторые замашки друга детства доводили меня до белого каления. – Отпусти! Люди смотрят! – не унималась я. – И что с того? – Вилли пожал широкими плечами. – Пусть завидуют. – Там Мышка! – оживился вдруг Юрик. – Она не одна. Ух, ты, какая с ней цыпочка!

Вилли мгновенно потерял ко мне интерес и сделал стойку:

– Где?

Получив свободу, я тоже оглянулась. Там было на что посмотреть.

Мышку на самом деле звали Машкой, и она приходилась мне соседкой по даче – наши домики стояли почти вплоты друг к другу. Худющая, голенастая, с вечно выпирающими лопатками – настоящее пособие по анорексии, – но с удивительно красивыми темно-серыми глазами и густыми каштановыми волосами по пояс. Впрочем, сведения мои с прошлого года устарели, теперь Машуня щеголяла платиновой шевелюрой с густой длинной челкой, закрывающей лоб. Точнее сказать, так было задумано. На самом деле, волосы имели массу оттенков, как шерсть дворовой собаки: местами действительно платиновые, но в основном грязно-желтые, а кое-где даже рыжеватые. Лишних денег у соседки не водилось и в данном случае экономия не пошла ей на пользу. Вдобавок Машка забыла о бровях и теперь щеголяла нату-

ральной каштановой растительностью. Такая уж она, наша Маша: полная голова манной каши, из тех дурех, что завсегда полезут на дерево, чтобы вернуть в гнездо выпавшего птенца. Жаль, что доброту парни замечают в последнюю очередь. По этому поводу подружка периодически впадала в затяжную депрессию. Впрочем, она вообще редко улыбалась, стесняясь кривоватых зубов, и была на редкость застенчивой.

Тем более странно было видеть рядом с ней ожившую картинку из «Плейбоя». Глаза Вилли при виде красотки одобрительно сощурились, занятые важной задачей: изучением анатомии незнакомки. Одежда девчонки не могла служить серьезным препятствием: ультракороткие снежно-белые шорты и тугий корсаж мало что скрывали. Яркая черноглазая брюнетка с гладкой смуглой кожей могла гордиться отличной фигурой. Настолько отличной, что невольно возникали сомнения в ее подлинности. На фоне проголодавшейся толпы студентов, красавица смотрелась инопланетянкой, и выглядела здесь столь же неуместно, как Ксюша Собчак в аналитической программе на пятом канале. Хотя против Собчак я ничего не имею.

Почувствовав взгляд Вилли, – еще бы, он едва не прожег в ней дыру! – красотка с досадой прикусила губу и неожиданно покраснела.

Желая угодить старшему товарищу, Юрий энергично замахал руками и заорал на весь зал:

– Машка! Рули сюда!

Наивная подружка радостно заулыбалась в ответ, польщенная таким вниманием, однако новая знакомая ее восторга не разделяла. Девушки быстро обменялись несколькими фразами и попрощались. Таким образом, Машуню ожидал совсем не тот прием, на который она рассчитывала. Вилли так вообще прилип к окну, высматривая красотку. Подружка немного растерялась и мне, как всегда, пришлось одной спасать ситуацию, в частности, изображать бурную радость от встречи. Не то, чтобы я этой радости не испытывала, но кулак парням за Машкиной спиной показала с большим чувством.

Вилли, наконец, потерял интерес к пейзажу за окном, обернулся к нам и смахнул с челки прилипшую прошлогоднюю муху. Мою пантомиму он понял по-своему и решил поддержать разговор единственным известным ему способом, спросив:

– Кто эта фея?

– Эльза, – с достоинством ответила Машка, сразу сообразив, о ком он говорит.

– Огонь-девка, – одобрил приятель. – Так глянула, аж мороз по коже. Я бы с ней замутил.

– Придержи коней, – посоветовала Машка снисходительно и добавила с выражением: – Она из Кривого дома.

– Да хоть из Косого переулка. Мне-то что?

– Да то, что она таких как ты, бочками солит. – Терпеливо разъяснила подружка. – У нее папаша – меховой король.

– И с чего это короля занесло в нашу деревню? – удивилась я. – Не по статусу местечко.

– Темнота, – протянул Юрий с некоторым превосходством. – Это ж самый писк. Экологически чистый отдых называется.

– Это когда один туалет на весь поселок? – уточнила Машка с иронией.

– Не в туалете дело, – отмахнулся приятель. – Лес, река...

– Комары, – подсказала я.

– И комары, – не поддался на провокацию Юрий. – Главное, что все натуральное.

– Ну и ехали бы себе в Дубраву, – пожалала я плечами. – Там таких коттеджей понастроили.

– Вот именно, что понастроили, а у нас пока тихо. Все свои. Просторно.

– Что правда, то правда, – согласилась я. – Только Дашу что-то не видно.

– Ой, – спохватилась Машуня, – я ж к ней утром должна была зайти. Проспала. А потом в столовую к завтраку боялась опоздать.

– Ну, так зайди сейчас, – лениво посоветовал Вилли, явно занятый разработкой плана по завоеванию меховой Эльзы. Меня это здорово напрягало: Дашка узнает – расстроится. Не то, чтобы его попытки были в новинку – Вилли неисправимый бабник, – но для Даши это очередной стресс. Чтобы наш ловелас не ускользнул по дороге, я применила обманный маневр, предложив:

– Давайте завалимся к Дашке все вместе.

Помимо Вилли, с которого я поклялась не спускать глаз, пока не передам его подруге с рук на руки, у меня был и другой интерес: хотелось посмотреть на очную ставку Даши с Юркой. Его болтовня о прошлой ночи почему-то до сих пор меня беспокоила.

Мой план удался, к дому Даши мы подошли всей гурьбой. И в этом была проблема. Даша жила не одна, формально дом принадлежал ее тетке, а та обладала на редкость мерзким характером. Встречаться с ней не хотелось никому.

Идти выпало Маше: вчерашняя договоренность о встрече давала ей хоть какое-то преимущество в случае столкновения со скандальной бабой. Однако через пару минут она выскочила обратно на крыльцо, без Даши, но с перевернутым лицом. Тетя Вера, должно быть, сегодня была в ударе.

– А Даша где? – спросила я нетерпеливо.

Маша мотнула головой в сторону дома.

– Почему же ты не привела ее? – удивился Юрик.

– Это невозможно, – выдавила Машка. – Труп нельзя перемещать с места преступления.

Глава 3

Парни остались приводить в чувство сомлевшую Машку, а я поспешила в дом, будучи не в состоянии поверить в то, что подружка сказала правду. Я гнала от себя мысли о том, что у Машуни мозгов не хватит так жестоко нас разыграть, потому, что поверить в смерть Даши было невозможно.

Дашин дом отличался от остальных. Не только близостью к источнику бесперебойного питания, – он стоял по соседству со студенческой столовой, – но и наличием водопровода. При постройке дома много лет назад предприимчивый муж тети Веры уговорил строителей кинуть пару труб к общепитовской котельной и – вуаля! – получился роскошный санузел с ванной, предмет всеобщей зависти.

Вспомнила я об этом потому, что, едва перешагнув порог, услышала шум льющейся воды. От сердца немного отлегло: Дашка в ванной, а заполошная Машуня опять все напутала. На всякий случай я обежала дом, окликая подружку, без особого, надо сказать, успеха. В Дашиной спальне на постели лежали нарядное платье и явно дорогой комплект белья с еще не оторванной биркой. Я немного задержалась возле вещей, раздумывая, куда это собралась Даша, и в любую минуту ожидая ее появления со смешным тюрбаном на голове. Но она так и не появилась. В льющемся звуке воды мне теперь чудилось нечто зловещее.

Даша сидела в крошечной ванной, облокотившись на стену, вода лилась ей прямо на голову и затекала в открытый рот. Мокрые волосы облепили лицо, так что страшную черную дыру во лбу я заметила не сразу...

К горлу подкатил комок, но я заставила себя подойти ближе, вид мертвой подруги словно загнипнотизировал меня. В эту минуту я не думала о том, кто и за что ее убил – такую живую и жизнерадостную, – у меня в голове вообще не было никаких мыслей, я просто смотрела на нее и не могла отвести взгляд.

Не знаю, сколько прошло времени, пока я не очнулась и не смогла отвести взгляд от трупа. Дышать стало полегче, постепенно вернулась способность соображать. Мысли ворочались тяжело, со скрипом, но все-таки я его заметила: на дне ванной, под водой, окрашенной в густо-розовый, тошнотворный цвет, поблескивал какой-то предмет. Небольшой, похожий на крупную бусину, он притягивал меня, как магнит. Плохо отдавая себе отчет в том, что делаю, я закатала повыше рукав, протянула руку и, содрогаясь от отвращения, выудила блестящий мокрый шарик. Зря я это сделала...

На моей ладони лежал... глаз.

Не настоящий – слава богу! – стеклянный, но все равно омерзительный. Как он сюда попал?

Поборов соблазн присвоить себе улику, я с сожалением отдала ее милиции, когда она, наконец, добралась до нашей глуши. Случилось это ближе к вечеру, когда о трагедии уже знал весь поселок. Тетя Вера постаралась. Смотреть на то, как она наслаждается всеобщим вниманием, было выше моих сил, вместе с друзьями мы перебрались в беседку, откуда мрачно наблюдали за происходящим. Не было с нами только Юрки – он исчез.

Следом за деревенскими детективами прибыли совсем другие – суровые и деловитые. Эти смотрели пристально, вопросы задавали по сто раз и все записывали. Короче, нам досталось. Еще бы, ведь это мы первыми обнаружили тело, что тетя Вера восприняла как личное оскорбление. По ее глазам было понятно, что даром нам это не пройдет.

Я долго сомневалась, стоит ли рассказывать операм Юркин бред про свадьбу и остров. Сам он смылся, а со стороны его откровения звучали еще менее правдоподобно. Но вдруг он не врал? Вдруг это может помочь вычислить убийцу? В общем, я выложила все, что знала.

Товарищ при исполнении, выслушав меня, отложил ручку и посмотрел так, словно у меня на голове зацвели вишни. Наверное, вишню он не любил, потому что взгляд из равнодушного стал колючим и холодным. Мне стало не по себе: «Чего это он так уставился?» От волнения я залепетала что-то совсем бессвязное.

– Хватит! – оборвал мент и наклонился вперед, будто собирался похлопать меня по плечу. Или надеть наручники. – Вы потеряли подругу, расстроены, я понимаю. Но не нужно фантазировать.

Краска бросилась мне в лицо.

– Я не вру! Мой друг действительно говорил, что прошлой ночью видел Дашу на острове в роли невесты, в обществе странных совершенно незнакомых людей!

– Этой ночью видел?

– Да!

Он покачал головой, как мне показалось, укоризненно.

– Идите домой и хорошенько отдохните.

– Я не устала! – с вызовом ответила я. Кажется, он считает меня чокнутой. – Почему вы мне не верите?

Прищурившись, опер внимательно разглядывал меня некоторое время. Его лицо выглядело очень суровым, когда он что-то прикидывал про себя. Потом он заговорил:

– Ну, во-первых, на острове нет ни одного строения, подходящего под описание вашего друга и пригодного для жилья, тем более – для проведения торжеств. Во-вторых... – Он снова замолчал.

– Что «во-вторых»?

Опер вздохнул и словно через силу сказал:

– Ваша подруга не могла быть там по объективным причинам. Ни там, ни в каком другом месте. Максимум в одиннадцать вечера она была мертва.

– Это точно? – оторопела я.

Он усмехнулся. Стало понятно, что я задала откровенно глупый вопрос. Но как же тогда быть с рассказом Юрика? Нет, пора лечить приятеля от алкоголизма.

Машуня ждала меня, и домой после допроса мы отправились вместе. Обе чувствовали себя подавленными. Разговор не клеился.

– Считаешь, Юрик врал? – спросила наконец Маша.

– Кто его разберет, – пожалала я плечами. – Напился, наверное, в сосиску и у него в голове все перемешалось. Что, в первый раз что ли? Я как про остров услышала, сразу поняла – глюки, а уж про Дашку и речи нет.

– На самом деле все не так уж невероятно, – угрюмо сообщила Машка. – Его вполне могли завезти на остров: в этом году вода сошла и туда можно не то что пройти – проехать.

– Вот как? Это все меняет.

– Да ерунда! – с неожиданной злостью сказала подружка. – Наши на остров никогда не сунутся.

– Наши – согласна, но студенты или приезжие...

– Ну... не знаю... – Машка еще немного подумала и, испуганно оглядевшись по сторонам, сообщила, понизив голос: – Здесь творится что-то странное. С тех пор как сошла вода...

Я нахмурилась. О чем это она? Но тут же припомнила мертвых птичек и Дашкины вчерашние слова... Дашка и Машуня – два разных полюса. У Машки в голове тараканы и ее слова я никогда не приняла бы всерьез, но Даша была на редкость хладнокровной, рассудительной и отчаянной девушкой. Стоило внести ясность, и я осторожно спросила:

– О каких странностях ты говоришь?

– Ну, тут много чего произошло, – замялась Машка. – Животные стали пропадать. Кошки, в основном.

Это неприятно. Я-то уже было списала появление мертвых птичек на проснувшиеся инстинкты засидевшихся в неволе Барсиков и Мурок. На Кордоне их по традиции бродили десятки – местные жители обожали представителей кошачьих.

Словно в ответ на мои мысли Машка продолжала:

– У Клеопатры собака пропала.

– Дик? – искренне удивилась я, припомнив престарелого эрделя нашей общей соседки. – Он же со двора ни ногой!

Машка покачала головой:

– Тем более странно. И ладно бы только он. Исчезли еще штук восемь местных бобиков. Стружкины даже милицию вызывали: у них кобелек породистый, они с него пылинки сдували и кормились за его счет.

– Тоже пропал?

– Ага.

– Действительно странно. Это все?

– Если бы. Еще звуки.

– Какие звуки? – опешила я.

– Разные. То плачет кто-то, то стонет.

– Погоди, где стонет? – опешила я.

Машка опустила голову и прошелестела еле слышно:

– На острове.

– Опять остров! – взбеленилась я. – Меня уже тошнит от этого острова!

– Не говори так! – побледнела Машка.

Я уперла руки в бока и прищурилась:

– Это еще почему?

Подружка совсем стушеввалась, покраснела и пролепетала:

– Он может услышать.

Черт! Это какая-то эпидемия! Сначала Юрик умом тронулся – ну, с ним-то все как раз понятно, – теперь Машка за ним следом.

– Так, все, проехали. Давай договоримся, что про остров мы на время забудем. По крайней мере, до того, как я переговорю с Юриком. Ты, кстати не знаешь, куда он подевался?

– Нет.

Мне показалась, что Машка была рада моему решению. Остров пугал ее, и это было заметно.

– Дашу убили здесь, на Кордоне, – продолжала я. – Дядя из милиции это подтвердил и я не вижу причин ему не верить. Значит, убийца здесь или, по крайней мере, поблизости. Можно попытаться его вычислить.

– Как? – снова испугалась Машка.

– Обыкновенно. У нас все на виду. Кто-то что-то видел, кто-то слышал, кому-то птичка на хвосте принесла. Ну, не мне тебе объяснять, как у нас заведено.

– Это только в книжках легко, – понурилась Машка, потом округлила глаза: – У него пистолет! Эльза сказала...

– Кстати, о птичках: как ты познакомилась с этой фифой?

– Ну, обыкновенно...

– Не мямли! – взмолилась я.

– Ее отец обещал мне работу, – отрапортовала Машуня.

– Сам обещал?

Машка смутилась:

– Нет. Я попросила. Подвернулся удобный случай...

– Значит, и ты туда же, – задумчиво проговорила я.

– Куда?

– На работу к олигарху. Он что, решил трудоустроить весь Кордон?

– А кто еще у него работал?

– Так Дашка же. Ты не знала?

– Нет.

Я рассказал все, что знала.

– Мне Рыков место продавца-консультанта обещал. Только я его боюсь: говорят, что он грубый и вспыльчивый, – поделилась Машуня. – Интересно, как Даша с ним уживалась?

– Вот и мне интересно, – задумчиво проговорила я и добавила как бы про себя: – Грубый, говоришь, и вспыльчивый?

Конечно, я не ожидала найти в лице мехового короля одноглазого убийцу подруги, но кто сказал, что он стал бы марать руки сам? Дашка строптива и остра на язык, как все талантливые люди, а богатеи скоры на расправу. Найти исполнителя – не вопрос. Только свистни.

Версия была так себе, но для начала сгодится. В ее пользу говорил и тот факт, что до появления новых жильцов Кривого дома убийств на Кордоне не случалось.

Глава 4

Утро следующего дня я решила начать с купания: глупо жить у реки и не воспользоваться моментом. По правде сказать, купаться я не слишком любила, но сегодня был другой случай: я снова не выпалась, и мне срочно требовалось взбодриться.

Причиной моей бессонницы на этот раз оказались мыши. Резкое снижение кошачьего поголовья привело к тому, что они совсем распоясались. Мышей на Кордоне всегда была пропасть. Их пытались извести всеми возможными способами и, может, поэтому я пыталась применить другую тактику. При всем уважении к охотникам я всегда на стороне жертвы, в данном случае – мышей. Так что я не пользовалась мышеловками, не пыталась травить их ядом и позволяла хвостатым соседям пользоваться тем, что само падало на землю. Мне казалось, что между нами достигнуто некое равновесие, но сегодня ночью статус кво изменился: мыши маршировали по залитому лунным светом полу туда-суда, абсолютно не смущаясь моим присутствием. Парочка особо наглых даже попыталась взобраться на кровать и была безжалостно атакована тапком. В конце концов, мне удалось обратить мышиное войско в бегство, но поспать так и не удалось.

Во дворе меня ожидал сюрприз в виде очередной порции дохлой фауны. На этот раз на крыше лежали всего две птички. На первый взгляд тельца выглядели неповрежденными, и причину смерти установить не удалось. Отчего же они все-такидохнут? И почему выбирают местом последнего упокоения мой сарай? Озабоченная этим вопросом, я не заметила, как подошла к пляжу. В этот час здесь было безлюдно, только вдалеке маячили рыбацкие лодки.

Люблю раннее утро на реке, люблю смотреть, как свет отражается от воды и утренняя дымка постепенно тает. Но сейчас меня интересовал только остров.

Он выглядел непривычно, все из-за песчаной косы, протянувшийся от самого Кордона до берега. Стало быть, в этой части Юрка не врал.

Собираясь поплавать, я машинально бросила сарафан на песок, шагнула к воде и...

Кто-то схватил меня сзади холодными руками!

Я задергалась, набрала в рот побольше воздуха, чтобы завизжать, но старалась напрасно: тот, кто напал на меня, успел зажать мне рот широкой ладонью. Несмотря на отчаянное сопротивление, я почувствовала, как меня тянут куда-то в сторону, попыталась лягнуть обидчика, но потеряла равновесие и стала валиться спиной прямо в прибрежные кусты. В следующий раз я лягнула ногой уже воздух и вдруг поняла, что меня отпустили, предоставив возможность грохнуться навзничь без помех. Песок больно царапнул кожу, попал в глаза и в рот. Рыча и отплевываясь, в проворно вскочила на ноги, собираясь разорвать любого, кто попадется на глаза.

– Юрик? – взревела я, обнаружив шутника в мокрых плавках и с мокрыми волосами. На его лице не было и тени улыбки.

– Тсс! – он снова попытался зажать мне рот и сторяча получил в глаз.

Парень замычал, затряс головой, делая мне какие-то знаки руками. Кажется, просил пригнуться. Недоумевая, я послушно присела на корточки – все-таки неловко бить старых друзей, – но в любой момент была готова вскочить и, заметив подвох, подбить приятелю второй глаз – для симметрии.

– Что за шпионские игры? – прошипела я. – И где тебя носило?

– Да так, – неопределенно ответил он. – Ментов не люблю.

– Правильно, – протянула я с сарказмом, – давно по тебе кутузка плачет. Или, на худой конец, вырезатель.

– Не каркай, – мрачно попросил приятель, и я с удивлением поняла, что он трезв.

– От кого мы прячемся? – с опозданием поинтересовалась я.

– На всякий случай, – соврал Юрик и покосился в сторону острова. – Я про Дашку хотел спросить.

– А что спрашивать? У нее теперь с новостями туго.

– Не язви. Что менты говорят?

– Вот пойди у них и спроси, я тебе не газета «Известия», – огрызнулась я, но, увидев, как сник Юрка, сжалилась: – Участковый сказал, что Даша умерла задолго до полуночи.

– Но как же тогда?... Ааа, понятно, намекаешь, что я все наврал?

– Да я вроде прямым текстом говорю, какие уж тут намеки.

– Ну, как мне тебе доказать, что я ее на острове видел? – с отчаянием спросил Юрик.

– Похоже, что никак, – пожала я плечами. – Но я разберусь.

– Тыы?! – презрительно фыркнул Юрик. – Тоже мне – мисс Марпл во младенчестве.

– Может и не мисс Марпл, но чувствую, что ты не врешь, что-то такое ты действительно видел.

– Спасибо за доверие, господин следователь, – съязвил приятель.

– Не за что. Просто у тебя фантазии бы не хватило сочинить такой «хоррор».

– Хочешь, расскажу, как все было? – неожиданно предложил Юрка, глядя на меня исподлобья.

– Валяй, – разрешила я.

– Я ведь и сам вторые сутки голову ломаю, что же это было. Списал бы на глюк, но в начале вечера я еще кое-что соображал. Выпил, конечно, но немного, как раз искал, где бы добавить, а тут – он.

– Кто?

– Ну, мужик этот на машине. Большая такая, черная. Темно было, я марку не разобрал, а у него фары не горели. Я еще удивился: как он ездит с потушенными фарами?

– Во сколько это было?

– После полуночи. Может, полпервого – я на часы не смотрел.

– То есть Даша уже в принципе была мертва.

– Так я ничего про Дашку не знал! Мужик сказал – свадьба, гости напились – музыки хотят. Обещал хорошо заплатить и задаток дал.

– Как он выглядел – помнишь?

– Забудешь тут. Не мужик – черт косматый. Я подумал – из деревни, может, да джип у него больно крутой.

– Ты же сказал, не разглядел марку машины.

– Что ты меня за идиота держишь? – обиделся Юрик. – Джип – он и в Африке джип, так их миллион: может – «чероки», а может и «Мерседес». Ну, это я так, к примеру.

– Ладно, с машиной все понятно. А мужик? Чем он тебя так напугал?

– Ну... – замялся Юрка, которому не понравился намек на излишнюю пугливую, – во-первых, здоровый, как лось, под два метра, наверное. Во-вторых – глаза у него странные: белки очень белые, вроде как даже светятся, а зрачков не видно.

– Может, цыган? – предположила я.

– Может и цыган. Короче, подваливает он и говорит: «Поехали, мол, на хутор».

Юрке никуда ехать не хотелось. Хотелось спать, точнее, сначала еще немного выпить, а потом – спать. Но мужик попался настырный. Денег посулил, в задаток дал приятно толстенькую пачку. Юрка прикинул, сколько на них можно купить беленькой, не говоря уже о пиве и согласился, только попросил заехать за Вилли – они всегда на дискотеках вдвоем играли. Но мужик неожиданно заартачился и второго музыканта брать наотрез отказался. Юрка испугался, что заказчик передумает и отберет задаток, и махнул рукой: сам справится.

Загрузились в машину, и Юрка вроде как задремал. Очнулся, глянул в окно – мать моя! – едут к острову. Под колесами осока хрустит, да ил во все стороны. Потом ветки по крыше

застучали, окно царапают. Юрка испугался, набросился на водилу, мол, куда прешь, черт рогатый? А тот зыркнул на него черным глазом и гудит: «не бойсь, близко уже!» И ухмыляется, образина!

Юрка сто раз пожалел, что согласился ехать, да куда теперь? Из машины не выскочишь – гитару жалко. От страха весь хмель слетел.

Мужик не обманул: вскоре остановились возле дома. Дом как дом, большой, из толстых бревен, в окнах свет горит. Вот только тихо. На свадьбах ведь как – дым коромыслом, а тут тишина, точно на кладбище. В общем, на крыльцо парень поднялся без всякого желания, ожидая самого худшего, но внутри и вправду оказался богато накрытый стол, вокруг которого сидели изрядно поддатые гости. Женщина была только одна – в белом платье, фате, с цветами. Только лицо бледное-бледное, какое-то испуганное, так что Юрик Дашку и признал-то не сразу, а когда признал – подойти хотел, поздравить, да мужик его перехватил, сунул в руки стакан водки и велел играть.

– Водку ты, конечно, выпил? – сощурилась я.

– Водку! – презрительно фыркнул Юрик и добавил уважительно: – чистый спирт!

– Все одно, – скривилась я. – И много ты выпил? Хотя чего я спрашиваю...

– А чего я-то? Они наливали – я пил. Кто ж откажется? И вообще, я, может, от страха.

Я посмотрела на него внимательно и махнула рукой:

– Может, и от страха. А Даша что? Так и не подошла?

– Не-а, не подходила она. Я на нее посматривал, пока... в общем, пока соображал, но она даже не смотрела в мою сторону. Уставилась прямо перед собой, глаза стеклянные – жуть.

– Она была испуганной?

Юрка задумался, припоминая. Потом покачал головой:

– Да нет... Она была... никакая! Вот словно манекен! На человека похоже, а как неживая.

– Так может...

– Да нет, шевелилась она, глазами иногда моргала, голову слегка наклоняла. Точно живая, странная только.

– Ничего не понимаю, – пожаловалась я. – Может, эксперт со временем напутал, и Дашка все-таки побывала на острове? А тебя не узнавала, чтобы не впутывать...

– Ну и дура! – неожиданно разозлился Юрка. – Дала бы знать, мы бы вместе как-нибудь выбрались.

Я вдруг поняла, что моего друга... мучает совесть! У меня потеплело на душе. Надо же, не совсем он пропащий, оказывается. Повинуясь внезапному порыву, я тронула его руку:

– Не расстраивайся, мы их найдем, козлов этих! Кто бы они ни были! Клянусь!

Юрку вдруг передернуло.

– Ты чего? – испугалась я.

Парень ответил не сразу. Он стиснул зубы, чтобы скрыть от меня мелкую дрожь. Лоб у него вспотел, щеки побледнели. Кое-как справившись ознобом, он заговорил медленно, тщательно подбирая слова:

– Знаешь, Стаська, на твоём месте я бы не связывался.

– Это еще почему? – вскинулась я.

– Ладно, расскажу. – Он еще немного помолчал, вспоминая, и продолжил: – От пойла ихнего мне совсем поплохело. Я – на улицу, типа подышать. Там, у крыльца, ведро воды стояло. Я обрадовался, зачерпнул воды и только было по лбу провел, как этот, обросший, вылетает. Глаза злущие, кулаки сжал. Ну все, думаю, щас прибьет на месте. Не пришиб – повезло, – только от ведра отпихнул и рывкнул: мол, не для тебя поставлено – не лезь. Я спорить не стал – себе дороже – в дом вернулся, а хмель будто сошел, и в глазах прояснилось. Гляжу, а вокруг будто хлев: грязища, пыль, гниль, короче – мама не горюй. И посреди всего этого безобразия – кучка уродов со свинными рылами.

Юрка содрогнулся, а я пыталась понять: правду он говорит или эти видения – последствия неумеренных возлияний. Поскольку приятель молчал, я не выдержала и спросила, сильно сомневаясь:

– Так уж и со свиными?

– Да нет. Не знаю, – тут же пошел на попятный Юрка. Он с силой провел ладонью по лицу, как будто пытался стереть с него липкую паутину. – Я тогда вообще плохо соображал. Морды отвратные, синюшные какие-то – это факт. Одеты странно – будто ансамбль балалаечников – в рубахи и подштанники. А вот остальное... Может, и привиделось чего спьяну, – добавил он самокритично.

– Гостей много было?

– Человек двадцать.

– Многовато для глюка, – усмехнулась я.

– Много ты понимаешь.

– Не скажи. Одного-двух зеленых человечков еще куда ни шло, но два десятка упырей в косоворотках... Слушай, может, они в масках были? Секта какая-нибудь, а? Или экстремальный туризм? А что, сейчас и в тюрьмах понарошку сидят и на крайний Север катаются.

– Ага. Туристы! А Дашка у них экскурсовод. Ты думай, что говоришь-то.

– Да я как раз думаю. Дашка обожала всякие странности. Если я права – она бы ни за что такого не упустила.

– Ну и дура, – буркнул Юрка. – Я как вспомню ее глаза, так и... Эх. – Он махнул рукой и отвернулся.

– Но ведь ее никто не обижал там, – растерянно сказала я.

– Нет. Ее и пальцем при мне не тронули.

– А жених? – спохватилась я. – Ты его разглядел?

– Не особенно. Не до того было. Но точно не из наших.

– Ну, постарайся! Хоть что-нибудь!

Юрик послушно наморщил лоб и выдал:

– Глаза помню.

– И то хорошо. Какие?

– Стекланные.

Я вздрогнула, вспомнив стеклянный глаз, который нашла возле тела Даши в ванной. Странное совпадение. Я с новой силой принялась пытать приятеля, но он уже выдохся и лишь бессвязно мычал в ответ на все мои вопросы.

– Ладно, – сдалась я, – скажи хоть, как ты с острова выбрался?

– Обыкновенно: бородатый меня обратно отвез. Только сразу говорю: обратную дорогу совсем не помню, я к тому времени совсем отключился.

– То есть, дом этот ты в лесу не найдешь?

– Что я, идиот, еще раз туда соваться? Правильно люди говорят: гиблое место. Мне этот мужик на прощание сказал, как оно называется.

Я затаила дыхание:

– Как?

– «Загубленный хутор».

– Никогда не слышала такого названия... – Юрка уловил недоверие, прозвучавшее в моем голосе, и тут же окрысился:

– Так пойдй и проверь, если тебе надо.

Я не была уверена, что мне надо. Мне вообще Юркина история казалась неправдоподобной. Толпа странных людей на безлюдном острове? Бред! Дашка, шляющаяся по острову в виде привидения? Даже думать об этом было противно. Сама подружка, услышав подобное, первая подняла бы рассказчика на смех. Остается единственный вариант – Даша была жива.

Ох, Дашка! Я всегда боялась, что ее игры плохо кончатся. И как же быть с результатами экспертизы? Ведь она показала, что к полуночи, когда Юрик оказался на острове, Даша УЖЕ БЫЛА МЕРТВА! Хотя даже эксперты могут ошибаться. К тому же, я собственными глазами видела, что Дашу убили из огнестрельного оружия, а призраков, палящих из пистолета не встретишь даже в третьеразрядных ужастиках.

Зато забраться на остров в погоне за редкими кадрами Дарья вполне могла. Я вспомнила выражение ее глаз накануне: Даша однозначно взяла след. Вот только чей? Кто эти странные люди? И почему погоня закончилась для подруги так трагично?

Или все гораздо проще и остров вообще ни при чем? Обознался Юрик – спьяну чего ни бывает? А Дашу застрелили совсем по другой причине? Она говорила о новом крупном заказе, который получила у мехового короля, за которым стоят большие бабки. А где большие деньги, там – большие тайны и очень большие возможности по устранению свидетелей. Пожалуй, стоит попытаться поговорить с новым Дашиным работодателем, тем более, что и ходить далеко не придется.

Спешно попрощавшись с Юркой, я поспешила к Кривому дому.

Глава 5

Пока я, стоя за большим вязом, раздумывала, с чего начать разговор (на деле вломиться в чужой дом с ворохом неприятных вопросов оказалось не так-то легко), меня опередили. Из-за угла Кривого дома появился странный человек. Он был невысокого роста, щупленький, одет во все черное, с коротко стриженной, почти лысой головой и худощавыми руками, униженными массивными перстнями самого причудливого вида. Вытянутое лицо и бледная, какая-то нездоровая кожа придавали ему сходство с рептилией. Мне впервые довелось увидеть такого аккуратненького крокодила, расхаживающего на задних лапах – в хищной природе незнакомца сомневаться не приходилось.

Тем временем на крыльцо выскользнула хозяйка дома. Эльза вцепилась в руку парня, как нищий в подаяние, увлекла за собой вглубь веранды и тут же завалила несчастного на один из шезлонгов. Справедливости ради должна заметить, что помесь ящерицы с человеком не особенно сопротивлялась, однако прыть высокомерной красотки меня удивляла.

К счастью, тень в том углу веранды была особенно густой и подробностей свидания, способных вогнать меня в краску, я не увидела, сюда доносились лишь редкие вздохи и чье-то сопение. Оставалось признать, что явилась я на редкость не вовремя. Прикидывая, не убраться ли мне восвояси прямо сейчас, я немного поковыряла носком сандалии сосновую хвою, насвистывая свадебный марш Мендельсона.

– Не свисти, денег не будет, – рывкнул мне в ухо незаметно подкравшийся со спины Вилли. – Шпионишь?

– Вот еще, – фыркнула я, прикидывая, видел ли друг то же, что и я? Похоже, что нет, вздохнула я с облегчением из чувства женской солидарности. Из тех же побуждений я незаметно заставила приятеля повернуться спиной к Кривому дому и преувеличенно громко сказала: – Вот, решила познакомиться с новой соседкой.

– Так в чем вопрос? – обрадовался Вилли. – Я вас познакомлю.

– Не сейчас! – воскликнула я, заметив, как вдоль веранды мелькнула тощая тень поспешно ретировавшегося конкурента. Не то, чтобы я не желала успеха Вилли, но больно уж разными были весовые категории соперников.

– А чего тянуть? Пошли, говорю. Она классная девчонка.

– Охотно верю. Но мне хотелось бы самой. Ну, чисто по-женски...

– Валяй, – легко согласился парень. – Я пока тут покурю, а потом, может, сходим искупаемся?

– Сходим, Вилли, сходим, – закивала я. – Ты подожди немного, я быстро.

Вряд ли после того, о чем я собираюсь спросить девушку, она захочет идти со мной купаться, но Вилли этого знать необязательно.

Вблизи Эльза оказалась еще красивее. Особенно впечатлял каскад неправдоподобно густых, сияющих черных волос и смуглая, гладкая кожа. Впрочем, миндалевидные черные глаза и пухлые губы тоже производили впечатление. Рядом с такой красотищей я почувствовала себя неуютно, да что там, любая на моем месте чувствовала бы себя так же.

Я не урод и даже натуральная блондинка, но с одной маленькой поправкой: я – кудрявая блондинка. Волосы вьются мелким бесом, не желая принимать никакой иной формы, кроме естественной. А в естественном виде с такой шевелюрой я больше всего похожа на нестриженную овцу, причем длина волос особой роли не играет. Отсутствие бровей и ресниц – вообще отдельная головная боль. Нет, теоретически они на лице присутствуют, но их как бы не видно. Так что каждый раз, когда мне хочется произвести впечатление, приходится вооружаться кисточками и рисовать недостающие элементы.

Что касается груди и попы, то и тут у меня некомплект. И не верьте тому, что сейчас это модно. Вранье! Парни все как один западают на девушек с формами. Таких, как Эльза, например.

Мое появление не вызвало у красавицы даже элементарного любопытства. Она просто стояла и терпеливо ждала, когда я объясню свое появление.

– Привет, – выдавила я через силу. – Я – твоя соседка. Анастасия.

– Очень мило, – скучающим тоном отозвалась она. – Кажется, это вы вчера приехали на маленькой синенькой машинке?

Меня аккуратно поставили на место, хотя сомневаюсь, что Эльза сделала это специально. Просто я совершенно ее не интересовала. Говорила девушка хрипловато-привлекательным – шелковым – голосом, отчетливо произнося каждое слово, как бы с легким акцентом, что навредило на мысль, что она долгое время провела за границей.

– Я вас не отвлекаю? – выжала я из последних сил.

– Нет, отчего же, – соврала Эльза и даже отступила в сторону, словно приглашая пройти в дом.

Я юркнула внутрь, как приبلудная кошка, решив пожертвовать гордостью в интересах дела. Впрочем, мысли об уязвленном самолюбии улетучились из моей головы, как только я переступила порог.

Дашка не преувеличивала.

Интерьер впечатлял.

Кривой дом было не узнать с тех пор, как я сопливой девчонкой шныряла тут по щелястому полу. Теперь стены были выкрашены в благородные цвета ванили, которые для контраста оттеняли фиолетовые шторы и подушки на плетеной из ротанга мебели. Балки из мореного дуба под потолком навевали воспоминания о шале в каких-нибудь Альпах, а лампы, скрытые под ажурной панелью цвета шоколада, отбрасывали по сторонам причудливые тени.

Тем временем Эльза обошла меня и уселась на диван прямо напротив, явно ожидая объяснений. Опомнившись, я захлопнула варежку и плюхнулась в кресло.

– Вообще-то я хотела поговорить с тобой о Даше, – сообщила я, внимательно следя за выражением ее лица. Но ничего не выследила – Эльза даже не дрогнула.

– А кто это? – лениво поинтересовалась она. Ее аморфность начала меня раздражать, особенно потому, что я знала – это притворство. Минуту назад Эльза демонстрировала завидный темперамент в обществе черного карлика.

– Даша – моя подруга, – вежливо объяснила я и добавила с невинным видом: – Ее вчера убили.

Мне показалось, что Эльза вздрогнула. Ну, наконец-то!

– Я что-то слышала, – пролепетала она.

– Не сомневаюсь. Ведь она у вас работала?

– Вот как? – Удивление вышло фальшивым, и Эльза тут же спохватилась: – Ах, да! Кажется, это та девушка – фотограф.

– Именно, – кивнула я, довольная своей маленькой победой, но Эльза тут же поставила меня на место, спросив:

– А вы какое к этому имеете отношение?

– Я? Ну, я ее подруга... – судя по выражению Эльзаного лица, она сочла это недостаточным основанием для допроса. Нужно было срочно менять тактику. – Пожалуйста, поймите меня правильно! – Я прижала руки к груди и посмотрела на хозяйку Кривого дома умоляюще: – Мне нужно разобраться! Это так ужасно – потерять подругу!

Моя искренность, кажется, тронула надменную красотку – лед в ее глазах слегка подтаял, – но до победы было еще далеко.

– Не понимаю, чем могу быть полезной. Я даже не знакома с вашей подругой. Видела, конечно, пару раз, когда она приходила к отцу, но не более того.

Вот и все. Моя карта бита. На нет и суда нет.

Я предприняла последнюю попытку, спросив:

– А ваш отец? Может, стоит спросить у него?

Эльза искренне удивилась и произнесла неожиданно мягко:

– Поймите, Анастасия, мой отец – очень занятой человек с... – Она запнулась, как будто подбирая слова, – непростым характером. Не думаю, что разговор с ним доставит вам удовольствие.

Я приняла ее совет и ретировалась. Иногда, чтобы выиграть, нужно на время отступить. Прежде чем попрощаться, я взглянула в окно, где по-прежнему маячил атлетический силуэт Вилли и улыбнулась:

– К вам, кажется, еще один гость.

Эльза привстала со своего места, увидела Вилли и фыркнула. Я притворилась полной кретинкой и поинтересовалась:

– Сказать ему, чтобы зашел?

– Скажите, – пожала плечами Эльза. – Но если вам захочется подставить этому мачо подножку так, чтобы он упал и сломал себе ногу, я в долгу не останусь.

Итак, этот раунд я проиграла всухую, – размышляла я, топая по дорожке к своему дому. После хором Эльзы собственная дача показалась неожиданно маленькой и сильно обветшалой. Краска на стенах облупилась, крыша поросла мхом, рамы давно не мешало бы покрасить. Вот этим я и займусь. Но сначала разберусь до конца в том, что произошло с моей подругой.

На деле вести расследование оказалось совсем нелегко. В любимых мной детективах сыщики играючи добивались признания от матерых преступников, расставляя им хитроумные ловушки, а наяву я уперлась в частокол из «не знаю», «не помню», «не видел», с колючей проволокой из «ни фига я тебе не скажу».

Однако разговор с Эльзой кое-что прояснил. Нет, она действительно не сказала мне ничего важного, но напомнила о том, кем была моя подруга. А была она гениальным фотографом! Ее фотографии – вот что поможет мне пролить свет на эту темную историю. Дашка не расставалась с камерой ни днем, ни ночью, снимала часто и помногу. Ее интересовало то, на что другие люди не обращали внимания, и в этом была надежда для меня.

– А ты что тут делаешь? – опешила я, когда дверь Дашиного дома открылась. Машка смущенно топталась на пороге, старательно пряча за спиной правую руку.

– Да вот, – она стыдливо продемонстрировала мне швабру, – Вера Игнатьевна попросила. – Я нахмурилась, и Машка занялась своим любимым делом – оправдыванием всех и вся. – Она в морг поехала, к похоронам готовиться, – залепетала подружка заискивающе, – а я тут... А что? Мне нетрудно....

– Она хоть денег дала? – хмуро поинтересовалась я.

– Да что ты, какие деньги, – замахала руками Машуня. – Горе такое! Как не помочь?

– Горе у нас с тобой, а ей – одна сплошная радость, – отрезала я.

Эх, Машка, что с нее возьмешь? Всем известна ее безотказность. В обычное время она то и дело отмывала чьи-то дачи, особенно по весне. Но ей за это хотя бы платили. Немного, конечно, да при их бедности и то хлеб. Однако ушлая Вера Игнатьевна и тут всех обошла – сыграла на Машкиной дружбе с племянницей, чтобы задарма отмыть дом после убийства. Тьфу!

Тысячи раз я бывала в Дашином доме, но сегодня чувствовала себя так, словно впервые переступила этот порог. Без Даши все стало чужим и даже враждебным. Стоило большого труда уговорить себя, что я всего лишь пытаюсь докопаться до правды.

Машка сосредоточенно сопела за спиной и бродила за мной, как тень, позабыв про уборку.

– Не переживай, – успокоила я подружку, – я ничего трогать не буду, только посмотрю.

Машка немедленно смутилась и отводя взгляд, залопотала:

– Да ты что! Я ничего такого... Милиция здесь уже все осмотрела. Даже на чердак лазили.

– Нашли что-нибудь?

– Кто их разберет? Вроде нет, – добавила она неуверенно.

– Ладно, может, мне повезет больше.

Подружка откровенно не разделяла моего оптимизма, но и мешать не пыталась. А я надеялась, что мне поможет то, что, в отличие от оперативников, я знаю Дашку и сразу замечу что-то необычное. Если, конечно, это необычное здесь есть.

Немного робея, я заглянула в спальню подруги, которую оставила напоследок. Здесь ничего не изменилось, как будто хозяйка просто вышла на минутку и скоро вернется. К горлу некстати подкатил комок, и я с трудом сглотнула. Не время сейчас раскисать. Преодолевая настойчивое желание убежать из этого дома, а еще лучше – уехать с Кордона куда глаза глядят, я заставила себя внимательно оглядеть спальню, так и не решившись переступить порог.

Фотоархив лежал на столе – я сразу узнала пухлую потрепанную папку, в ней Даша хранила последние снимки за последние месяц-два. Очевидно, милиция тоже заинтересовалась находкой, но поленилась убрать папку на место. Покружив немного вокруг стола, я набралась смелости и открыла папку.

Мне было известно, что и как нужно искать. У Даши была своя система. На каждую неделю она заводила отдельный конверт и складывала туда снимки. Подруга не любила пользоваться компьютером для хранения, уверяя, что на экране фотографии выглядят совсем не так, как на бумаге и ничто не могло ее переубедить. Вначале она распечатывала снимки на одном листе – пробнике, и только те, которые показались ей перспективными, увеличивала.

Конверт за последнюю неделю лежал с самого верха и оказался довольно пухлым. Это означало одно – Дашу многое заинтересовало и я, возможно, на правильном пути.

Мне не терпелось заглянуть внутрь, но помешал скрип открывшейся входной двери. Машка испуганно присела, прошептав побелевшими губами: хозяйка вернулась.

– Мне пора, – пробормотала я, деловито запихивая конверт в пляжную сумку по пути к окну. – Меня здесь не было! – предупредила на ходу.

– А как же?... – Машка беспомощно уставилась на конверт.

– Ничего. Вере они без надобности. У меня даже целее будут.

Последнюю фразу я прошептала уже сидя на подоконнике. Шаги Дашиной тетки слышались у самой двери, я спрыгнула, угодив в густые заросли крапивы, и ползком ретировалась с места преступления.

Уже издали меня настиг визгливый голос Веры Игнатьевны, которая за что-то распекала Машку.

Глава 6

Горя нетерпением, я достала конверт из сумки еще по дороге домой, но не открыла, боясь рассыпать фотографии. Чтобы срезать путь, я, пригнувшись, нырнула под поперечную балку изгороди и оказалась на соседском участке. Как уже говорилось, заборы на Кордоне имели чисто символическое значение и подобное было в порядке вещей.

Хозяин дачи – Петрович – как всегда сидел под большой березой во дворе. Любимыми занятиями моего соседа были курение и чтение детективов. То и другое он делал одновременно и почти непрерывно. Детективы нас и подружили, хотя Петрович предпочитал старую гвардию в лице Чейза, Чейни и Жапризо.

В другое время я не упустила бы возможности поболтать о последних новинках жанра, но сейчас было не до этого. Однако Петрович не дал мне улизнуть.

– Стася! – окликнул он. Я чертыхнулась, но немедленно обернулась на зов. Так и есть: Петрович заинтересованно смотрел на конверт. – Что это у тебя? – спросил он с любопытством.

– Это? – фальшиво удивилась я, – Да так, пустяки. Фотографии.

– Дашины? – немедленно догадался Петрович. Я кивнула.

– Можно посмотреть?

Я медлила. С одной стороны, Петровичу можно было доверять, да и его совет мог оказаться нелишним, но с другой – это было мое расследование и мне жалко было делиться даже с соседом. В данный момент он со скрытой усмешкой следил за моими терзаниями, но предпочитал не вмешиваться. И я решилась, признав, что лучшего союзника мне не найти.

Глубоко вздохнув, я выложила конверт на стол, внимательно следя за реакцией Петровича.

Он не торопился. Сдвинув очки на лоб, внимательно посмотрел на дату, написанную в верхнем углу конверта, кивнул одобрительно и неожиданно предложил:

– Открывай сама.

Я послушно вытащила на свет пачку фотографий и уставилась на первый снимок, не сдержав разочарованного вздоха: обычный пейзаж. То есть, обычный на первый взгляд, но это я поняла не сразу, а лишь после того, как веером разложила снимки на столе. Последним оказался пробник, его я отложила в сторону.

Петрович молчал. Если бы не тлеющая в углу рта папироса, можно было подумать, что старик уснул. Но я слишком хорошо его знала. Невозмутимая внешность соседа была обманчивой. Он все видел, все замечал, избегая лишних движений и слов. В данный момент молчание затянулось, хотя, может быть, мне так показалось от нетерпения. Чтобы убить время, я пересчитала снимки. Их оказалось пятнадцать. На всех, кроме одной, был лес. Единственный портрет принадлежал на редкость красивому незнакомому мужчине и, скорее всего, угодил в конверт по ошибке – на обороте стояла совсем другая дата, гораздо более ранняя. Дашка была предельно аккуратна со своим архивом и для верности проставляла дату съемки на каждом снимке. В данном случае присутствовала еще и подпись, точнее, имя – Серафим. Слишком редкое, чтобы не обратить внимания, но, к сожалению, оно мне ни о чем не говорило.

Еще на десяти фотографиях Дашка запечатлела березовую рощу. Привычные белые в крапинку стволы больше напоминали извивающихся змей – так причудливо они были изогнуты и переплетены между собой. Никогда раньше мне не приходилось видеть ничего подобного.

Даша была подлинным художником, и ей без труда удалось передать пугающую атмосферу этого места, при одном взгляде на которое мороз пробирал по коже. Березовые стволы упорно казались живыми. Мне чудилось, что даже на фотографиях они шевелятся и норовят расползтись во все стороны. Повинуясь безотчетному желанию, я отодвинула руку подальше от

снимков, но легче не стало. Таившееся в этих деревьях зло было почти осязаемым и... разумным. Единый большой организм со множеством извивающихся щупалец, которые выглядели весьма ловкими и... опасными.

На остальных четырех снимках тоже был лес, но деревья выглядели по-другому, хотя и не менее фантастически. Похоже, Даша снимала после дождя. Об этом говорили мокрая трава и влажная кора деревьев. Точнее, то, что от нее осталось. Какая неведомая сила могла сотворить подобное? Можно подумать, что деревья подверглись нападению гигантских огненных гусениц. Неведомые твари дочиста обглодали беззащитные деревья, прогрызли в стволах круглые сквозные дырки и причудливые спирали. На фоне умытого дождем чистого неба уродливо торчали обугленные скорченные ветви, похожие на зловещие письма, предупреждающие об опасности.

– Что за черт? – прошептала я. В отличие от меня Петрович не выглядел удивленным, однако особой радости его лицо не выражало. Он хмурился и впервые на моей памяти не выглядел невозмутимым.

– По-моему, вы что-то знаете, – осторожно предположила я, вопросительно глядя на соседа. Он не ответил, и я потеряла терпение. – Ну что вы молчите? Я же вижу, что вы узнали это место, хотя могу поклясться, что подобного не существует.

– Еще как существует, – с сожалением ответил Петрович, глубоко затягиваясь папиросой. – Это Остров.

Столбик пепла стремительно увеличился, вспыхнул, надломился, шлепнулся на ближайший снимок и немедленно прожег в нем круглую дыру. Петрович едва заметно вздрогнул, а я спросила:

– Вы были там?

– Был. Давно. Но это неважно. Плохо, что там побывала и твоя подруга.

– Вы так думаете из-за этих снимков?

Он кивнул и пояснил, указывая потухшим окурком «беломорины»:

– Это – «склон бешеных молний», а тут – «роща пьяных берез».

– Какие странные названия. Никогда не слышала. Это далеко?

– Очень далеко, почти в середине острова. И очень опасно.

– Что опасного может быть в лесу, даже таком странном? Ни людей, ни хищников в окрестностях не водится.

– На острове водится сила, которая опаснее хищников, – отрезал Петрович. – Боюсь, что твоя подруга ее разбудила.

– Откуда вы знаете? – возмутилась я. – И что это за сила такая? Просто фантастика какая-то, ненаучная.

Петрович не обиделся. Похоже, он меня вообще не слышал, напряженно размышляя о чем-то своем. Не дождавшись ответа, я принялась решительно сгребать фотографии в кучу, но Петрович перехватил мою руку и примирительно похлопал по ней широкой ладонью:

– погоди, – сказал он мягко. – Твоя подруга зря ходила на остров, но в том, что случилось, не ее вина. Тут постарался кто-то другой. – Он задумчиво поскреб подбородок и пробормотал, ни к кому не обращаясь: – Теперь мне все ясно. Но кто осмелился?

– Я выясню, – выпалила я с угрозой.

Петрович отшатнулся:

– И думать забудь! – отрезал он, прикуривая новую папиросу от предыдущей. Выброшенный окурочек прочертил в сумерках огненную дугу. – Не ищи беды, – предупредил сосед.

– Не буду, – пообещала я и добавила: – но у меня предчувствие, что беда найдет меня сама.

Петрович не оценил черного юмора, лицо его было непреклонным.

– Помогите мне, – заканючила я.

– Нет.

– Ну, хотя бы расскажите все, что знаете. Что за манера изъясняться загадками? Сплошные намеки да глупые слухи. Просто Гарри Поттер какой-то: «тот, чье имя нельзя называть», – передразнила я. – Но ведь вокруг действительно творится что-то странное!

– Жизнь вообще странная штука.

– Фу, раньше вы не изрекали банальностей, Петрович.

– Мне больше нечего сказать.

Упрямство соседа показалось мне чуть ли не предательством. Ну и пусть, – думала я, сердито сгребая со стола фотографии, – ну, и пожалуйста! Обойдусь без помощников! Сами с усами! Вот пойду на остров и во всем разберусь – слава богу, умом не обижена.

Петрович, кажется, прочел что-то на моем лице и подался вперед, собираясь о чем-то сказать, но в последний момент передумал. Пришлось убираться восвояси, несолоно хлебавши, прижимая к животу драгоценный конверт с фотографиями, но я не унывала.

Завтра на рассвете я двинусь в путь.

Глава 7

Ночью пошел дождь.

Я приоткрыла дверь, прислушиваясь к отдаленным раскатам грома, и немедленно получила холодный душ с козырька над крыльцом. Предрассветный жиденький утренний свет расплывался в монотонной густой мороси. Увиденное укладывалось в рамки определения рассвета с большой натяжкой, но я была полна решимости довести дело до конца. Данное самой себе обещание делало меня храброй. Или глупой – смотря с какой стороны посмотреть.

Когда я дотащилась до острова, дождь прекратился, но мне уже было все равно – я вымокла до трусов. Вокруг было сыро и достаточно противно. Первый же колючий куст впился мне в штанину, к лицу липла всякая дрянь, с веток за шиворот текла вода, но я упрямо продиралась сквозь истекающий влагой лес.

Топая по едва приметной тропинке, я сокрушенно думала о том, что в моей авантюре нет ни капли романтики. То ли дело в книжках! Там приключения непременно происходят ясным солнечным утром, про непролазную грязь – вот подстава! – ни полслова.

Честно говоря, я имела весьма слабое представление о направлении своего пути, так как на острове оказалась впервые. Полагаясь на традиционный русский авось, я надеялась, что так или иначе наткнусь на что-нибудь необычное, что поможет мне разгадать загадку, а пока просто брела по тропинке, глаза по сторонам. Ничего необычного на глаза не попадалось.

Над высокими деревьями скользили облака, сверху давила тишина настороженной природы, которая не только не была приученной к присутствию людей в этих местах, но и несколько в этом присутствии не нуждалась.

Ничего не происходило, но потихоньку в душу просачивалась тревога. Чем дальше я углублялась в лес, тем подозрительнее мне казались окрестные заросли. Лес вокруг казался обычным лишь на первый взгляд. Но, пообвыкнув, я поняла, что совсем не слышу щебета птиц, а под ногами все больше крапива да чертополох. Зеленый лес упорно казался вымершим, и все больше наводил на меня ужас, сродни тому первобытному ужасу перед необъяснимым, которое позже переименовали в чувство самосохранения.

Но отступить значило бы признать свое поражение, а я не привыкла проигрывать. В конце концов, реально мне пока ничто не угрожало. Поэтому, одернув липкую футболку, я продолжала свой путь сквозь туман, клубящийся вокруг.

Как я ни храбрилась, ужас нарастал. Мне уже чудилось, что деревья сами собой поворачиваются мне вслед и зловеще трещат сучьями в затылок. Когда я задирала голову в надежде увидеть солнце, небеса будто уносились ввысь и отскакивали там, отказывая в помощи.

Тропинка никуда не подевалась, она по-прежнему вилась под ногами, что заставляло меня сомневаться в том, что остров так уж необитаем, но вот деревья! Черт бы их побрал! Мне казалось, что они сомкнулись как-то чересчур плотно, а когда я заставила себя обернуться, обнаружилось, что позади – сплошной частокол из шершавых замшелых стволов.

Тропинка исчезла...

Точнее говоря, она начиналась ровно с того места, где я стояла, как если бы меня, словно Элли, занесло сюда ураганом и воткнуло посередине дремучего леса. Еще немного и я поверю в бабу-ягу.

Мама дорогая!

Я уже созрела для бегства. Но куда бежать? Деревья обступили меня плотным кольцом, начисто отрезав путь к отступлению.

Не желая верить в очевидное, я прошла немного вперед и шустро обернулась, рассчитывая засечь движущиеся деревья с поличным, однако те, разгадав мой маневр, и не думали двигаться – стояли себе, зарывшись корнями в густой мох. Срочно требовалось либо найти про-

исходящему разумное объяснение, либо переехать в сумасшедший дом, причем второе сейчас казалось мне предпочтительнее.

Пути назад не было, и я рванула вперед, но тут оступилась, кубарем скатилась по склону небольшого оврага и заревела. Теперь-то я понимала, что соваться сюда в одиночку было непроходимой глупостью, но где были мои мозги два часа назад?

Ну какой из меня сталкер? Я продрогла до мозга костей, одежда промокла насквозь и испачкалась. И мне было страшно! Здесь, посреди огромной лужи на дне оврага я казалась себе такой жалкой и беспомощной, что слезы текли рекой.

Не знаю, сколько времени длилась истерика, но внезапно страх перешел в злость. Ну, уж нет! Так просто я не сдамся! Терять мне, кажется, нечего, я в дерьме по самые уши, так что остается как-то выпутываться. Когда у человека не остается другого выхода, он начинает действовать. Наверное, включается тот самый инстинкт самосохранения. Мою решительность подстегнул страх остаться в этом лесу на ночь. До утра я точно не доживу, а, значит, нужно что-то делать. Для начала неплохо бы выбраться из этого оврага.

Страх придал мне сил и наверх я вскарабкалась с ловкостью цирковой обезьянки. Однако, то, что ожидало меня на поверхности, оказалось совершенно шокирующим.

На голом темени бугра в два ряда высились обугленные венцы толстых бревен. Целая улица сгоревших домов, вросших в землю и присыпанных сверху глянцевыми угольками. Там и тут раскорячились ржавые конструкции, в которых угадывались остовы кроватей с панцирной сеткой. На чем-то подобном так весело было скакать в летнем лагере много лет назад.

Это воспоминание слегка примирило меня с действительностью и я, осмелев, двинулась к ближайшему дому, точнее, к тому, что от него осталось. Долго примеривалась, прежде чем потрогать недоеденное огнем бревно. Оно было настоящее, влажное от дождя и немного скользкое.

Под ногой что-то хрустнуло. Я опустила глаза и обнаружила какие-то склянки, сплавившиеся в причудливый ком. Ого! Похоже, полыхало тут знатно, – подумала я, прикидывая, при какой температуре плавится стекло. Этого я так и не вспомнила, но нервы пришли в норму. Я уже не так боялась. Во мне проснулось обычное любопытство.

Каким-то чутьем я догадывалась, что попала совсем не в то место, о котором слышала от Юрика. Удивительно, что прежде я никогда не слышала о существовании на острове какого-то поселка. Что это было? Дачный кооператив? Или летний лагерь?

Немного побродив по пепелищу, внутри одного из срубов я наткнулась на ржавый металлический лист и почти машинально поддела находку ногой. Лист неожиданно легко перевернулся и среди прочего мусора, уцелевшего от огня, я заметила полуистлевшую бумажку, которую немедленно захотела изучить.

Увы, это оказалась всего лишь незаполненная курортная карта санатория «Золотые сосны» – так, очевидно, назывался сгоревший поселок. На всякий случай я сунула находку в карман брюк. Оглядываясь, я обнаружила еще одну странность. Судя по останкам санатория, полыхало тут как в олимпийском факеле, однако лес вокруг стоял целехонький, а ведь огонь просто обязан был перекинуться на деревья: ближайшие ели прежде касались лапами крыш, если я правильно рассчитала высоту домиков. Конечно, нужно учитывать, что пожар случился не вчера, деревья подросли, однако какие-то следы обязательно бы остались.

Для верности я внедрилась поглубже в хвойные заросли, пристально изучая ветви и стволы. Ничего! И травка возле домов сочная и зеленая, а вот у дома на Кордоне, что сгорел лет десять назад, растительность до сих пор растет чахлая и проплешинами.

Пока я блуждала в густом подлеске, мои физиологические потребности настойчиво напомнили о себе. Проще говоря, жутко захотелось пописать. Место было весьма подходящим, но для верности я пролезла между двумя растопырчатыми елочками, образующими что-то вроде беседки.

Покончив с делами, я высунулась из своего укрытия и слегка опешила. Воздух вокруг словно за клубился, стало темно, будто наступила ночь, хотя часы на руке показывали полдень.

Встревоженная, я выскочила на пожарище.

Оно исчезло!

Больше того, я оказалась посреди деревенской улицы, по которой, как ни в чем не бывало, бродили люди. То есть, бродила-то как раз я, а все остальные занимались своими делами: старики сидели на завалинках, какая-то девчонка в сарафане тащила ведра на коромысле, успевая строить глазки хлопцу в лихо заломленном картузе, под ногами с визгом копошилась мелюзга.

Глаза у меня сделались плошками, челюсть отвалилась и вообще вид, наверное, был дурацкий, но никто вокруг не обращал на меня внимания. Не в силах сдвинуться с места, я таращилась на возникших из ниоткуда крестьян, не в силах понять происходящее. Все вокруг напоминало кино на историческую тему. Старинная одежда, странный говор, отдаленно напоминающий русскую речь, непривычная, какая-то нездешняя внешность.

Может, правда, кино снимают? – подумала я с надеждой. А что до пепелища, так может я просто не с той стороны выскочила?

Эта мысль меня обнадежила. Воодушевленная, я бросилась к нарядной молодой в хорошеньком кокошнике и попыталась ухватить ее за пышный вышитый крестиком рукав.

Рука ухватила пустоту, а женщина прошла сквозь меня, как сквозь пустое место.

Это уже походило на кошмар. Страшный сон наяву. Хотелось визжать, орать во все горло и биться головой о землю. Все, что угодно, лишь бы все кончилось. Сдержаться не было сил и я заорала.

Бестолку. Никто не заметил, а я быстро выдохлась. На счастье в голову пришла спасительная цитата: «если не можешь изменить обстоятельства, измени отношение к ним». Не думала, что пригодится. В самом деле: мне никто не угрожает, более того, никто даже не подозревает о моем присутствии. Я не могу понять, что происходит, но можно попытаться это понять, оставаясь сторонним наблюдателем.

Короче, я решила взять себя в руки и решать проблемы строго по мере поступления и для начала попыталась просто внимательно разглядеть то, что меня окружало.

Сразу возник вопрос: с чего это жители деревни – кем бы они ни были, – разгуливают среди ночи? Задрав голову к небу, я немедленно заметила там пугающую тушку луны, застрявшую в какой-то там четверти. Ярko светили звезды. А народ вокруг и не думал спать. Насколько мне известно, в деревне как раз спать ложатся рано, а встают с рассветом. Может, у них праздник какой?

Ох, прав был Петрович – чудные дела творятся на острове. Неужто и Дашка это видела? Нет, не может быть. Она бы обязательно все сфотографировала, а, насколько мне известно, на ее фото лишь искаленные деревья. Похоже, с самого начала я свернула куда-то совсем в другую сторону. Сколько я ни приглядывалась, не нашлось поблизости ни хоть сколько-нибудь искривленной березки, ни сосен с подпалинами. Нужно было у Петровича дорогу выпросить, да где там! Он и слышать не хотел о вылазке на остров. Эх!

Тем временем с окраины призрачной деревни донесся гортанный крик. Слов я не разобрала, но, поскольку все население дружно рвануло в ту сторону, пристроилась следом.

По лицам людей я пыталась определить, какого рода зрелище нас ждет, но не слишком преуспела. Народ шагал бодро, вроде как раньше на первомайских демонстрациях (я знаю, видела хронику), только вместо флажков тащил с собой разную домашнюю утварь – что-то вроде наших пиал. В столовую, что ли собрались на ночь глядя?

Пока я гадала, толпа вынесла меня к воротам. Час от часу не легче! Это не остров, а представление братьев Сафроновых – сплошные фокусы!

Мы ненадолго остановились, и я успела рассмотреть высокую стену с устрашающими башнями, по верху которых шли такие мааа-аленькие дырочки, в которых под луной что-то

поблескивало. Не хотелось себя огорчать, но, кажется, это были ружья или из чего они там стреляли в своем каменном веке?

Вместе с остальными я просочилась в ворота и оказалась на огромной площади перед внушительным барским домом в окружении десятков построек поменьше.

Дом меня заинтересовал, но толпа стремилась дальше, пришлось не отставать.

Еще одни ворота, за которыми простирался... живописный сад. Мне уже с трудом верилось, что каких-нибудь полчаса назад я блуждала по самому обыкновенному лесу. Теперь вокруг шелестела листвой сплошная экзотика. Один недостаток – вся она была какая-то низкорослая и кривоватая, прямо как березы на Дашиных фотографиях. Нет, березами здесь и не пахло. Я не сильна в ботанике, но, кажется, тут имелись даже какие-то пальмы. Рядом со мной росло что-то вроде сливы. Воровато оглянувшись, я сорвала парочку. Одну отправила в рот, а вторую сунула в карман. Сливы, в отличие от людей, оказались совсем не призрачными, а вполне реальными, только незрелыми.

Люди вокруг меня больше никуда не торопились, зато оживленно переговаривались между собой. Я наострила уши, но напрасно – их речь звучала для меня как тарабарщина. К своему стыду удалось разобрать лишь одно слово, которое повторялось чаще всего – «сам».

Внезапно голоса смолкли. Толпа отхлынула назад в едином порыве, а я осталась торчать посреди газона, как флагшток в пионерлагере. Сердце ухнуло в пятки, но я вовремя вспомнила, что никто меня не видит, и осталась на месте.

Не подумайте, что я такая храбрая, просто увиденное вогнало меня в столбняк. Мне не пришлось напрягать воображение, чтобы понять, где я оказалась. Это было самое настоящее капище! Обложенное камнями кострище, гигантский валун и врытый в землю деревянный столб, покрытый резьбой, пучками перьев и вымазанный чем-то красным.

Желудок сжался от нехорошего предчувствия. Мало того, что вокруг призраки, так они, может, еще и людоеды? И что у них на обед? Надеюсь не маленькая любопытная идиотка? Я чувствовала себя красной шапочкой, которая вместо бабушки забрела в стаю голодных волков.

Однако боялась я напрасно. У смерти сегодня был другой кандидат. Он отчаянно блеял, пытался поддеть на рога зазевавшихся. В желтых глазах большого черного козла плескался ужас – животное чувствовало, что ничего хорошего его не ждет и шарахалось от протянутых со всех сторон рук – каждый из присутствовавших норовил погладить бедолагу или поддержать его за рога. Парочка особо настырных уже получила этими рогами в бок на потеху остальным.

Вообще чувствовалось, что у собравшихся настроение приподнятое. Они разжигали костер, сыпали в ямку, выдолбленную в валуне, какие-то зерна и возбужденно переговаривались.

Сочувствуя рогатому бедолаге, я пропустила момент появления главного действующего лица. Каким-то образом он оказался прямо у меня за спиной, я едва успела отскочить в сторону, давая ему дорогу. К тому времени я уже уверилась в том, что для всех присутствующих остаюсь невидимой, но этот человек на секунду притормозил, словно уловил движение воздуха при моем поспешном бегстве. Его глаза шарили вокруг, он словно искал кого-то в толпе. Чутье подсказывало, что он чувствует присутствие чужака, точно так же как некоторые способны чувствовать присутствие призраков среди живых.

А ведь для них я и была призраком!

Испугавшись, я юркнула за широкую спину какого-то крестьянина и решила выглянуть лишь через пару минут. Вокруг снова зашептали – «Сам! Сам!», – но уже едва слышно, будто шелест прошел по толпе.

Хозяин – а кто еще это мог быть? – отошел уже довольно далеко от того места, где я пряталась и можно было получше разглядеть его. Это был мужчина за сорок, с окладистой бородой, неподвижным лицом и абсолютно черными глазами, похожими на кипящую смолу. Он стоял возле козла, который вдруг перестал блеять и мелко дрожал. Бородач что-то негромко

сказал низким рокочущим голосом, и животное словно через силу подняло голову, подставив беззащитную шею. В руках «Самого» оказался здоровенный тесак, и через секунду для бедняги все было кончено.

Ноги козла подломились, но его тут же подхватили четыре помощника, которые оттащили еще агонизирующее животное к огромному камню. Кровь поначалу хлестала во все стороны, потом потекла ровнее, бурля и пенясь в каменной лунке. Меня затошнило. Сердце бухало в горле, мешая дышать. Ноги дрожали, как недавно у жертвенного козла, перед глазами все плыло. Я смутно видела, как тушу козла перенесли на землю. Бородач, бормоча какие-то заклинания, помешал в лунке деревянной палкой, рукой зачерпнул горсть кровавой каши и поднес ее к лицу.

Кажется, я закричала. Воздух вокруг словно взорвался. В глазах потемнело. Я приняла тьму с благодарностью.

Глава 8

Придя в себя, я долго не могла сообразить, где нахожусь. Кажется, это было болото. Куда подевалась деревня и как я попала в это место, оставалось загадкой, зато совершенно очевидно, что нужно было срочно отсюда выбираться.

Мутная болотная жижа доходила мне до пояса и продолжала подниматься. Меня засасывало! Впереди – очень далеко! – виднелся густой ельник. Значит, там – мое спасение: сухая твердая почва. Но, боже мой, как далеко!

Тяжело волоча непослушное тело, я с трудом выползла на какую-то кочку, поросшую изумрудной травой, о которую немедленно изрезала пальцы. Было больно, холодно и страшно, но можно было отдышаться, не опасаясь захлебнуться вонючей грязью.

Небо надо мной казалось голубым и просторным. Ветер гонял по нему паруса облаков, но вокруг, насколько хватало глаз, мир был совсем другим: мокрым, туманным и ... злым.

Кряхтя, я потихоньку двинулась в сторону ельника. Зыбкая болотная твердь предательски расползалась под ногами – облепленные вязкой жижей, они казались каменно тяжелыми. Через несколько шагов я снова ухнула в трясины. Барахтаясь, попыталась ухватиться за какие-то темные, шевелящиеся водоросли и тут же громко заверещала: темные «стебли» свились в клубок, и я отшвырнула их от себя с пригоршней ледяной воды. Клубок рассыпался в воздухе на несколько змееподобных рыб, одна из которых, яростно обвившись вокруг моей руки, с коротким всхлипом присосалась к ладони плоским холодным ртом.

Теперь я уже не просто кричала. Почти теряя сознание от отвращения и пытаюсь оторвать мерзкую тварь, я визжала в диапазоне ультразвука. Отброшенная далеко в сторону тварь, извиваясь, ушла в глубину, а я, опасаясь соседства ее сородичей, с удвоенной силой замахала руками и вскоре вскарабкалась на относительно сухое место.

Здесь мне наконец повезло: в траве валялась упавшая молодая березка, достаточно длинная и прочная, чтобы использовать ее как шест. Дело пошло веселее. Трясина позади стонала и ухала, пуская желтые пузыри, но я упорно двигалась к берегу.

Добравшись до суши, я готова была целовать песок, не веря своему избавлению. Комары, почуяв тепло человеческого тела, тянули над головой свои нудные звенящие песни, но я была рада даже им.

Отдышавшись, я заметила впереди, между деревьями, просвет и поспешила в ту сторону. Я еле держалась на ногах, но не желала больше оставаться в этом лесу ни секунды.

Однако, до спасения было еще далеко. Продираясь сквозь густой бурелом, я не переставала думать о том, что со мной произошло. Очень соблазнительно было списать все на галлюцинации. Капище, хутор, крестьяне – родные братья и сестры обнаруженной Василием Песковым в тайге Агафьи Лыковой – все это не может быть ничем иным кроме временного помрачения рассудка. Возможно, загремев в овраг, я повредила себе голову и все, что случилось потом, было всего лишь плодом больного воображения, в то время как я на автопилоте брела в сторону болота. В чувство меня привела ледяная вода и инстинкт самосохранения.

Уф! Никогда не думала, что признание себя сумасшедшей может принести такое облегчение.

Грязь на лице подсохла, и кожа отчаянно чесалась. Я остановилась, привалившись к толстому стволу, и машинально сунула руку в карман, рассчитывая найти там носовой платок, но вместо этого пальцы ухватили что-то круглое и твердое. Удивленная, я поднесла к глазам ладонь, на которой лежала розоватая недозрелая слива и застонала.

Несмотря на упадок духа, я добралась до реки, точнее, до обрывистого берега. Вода текла мимо высоченного леса, сизого и туманного в наступающих сумерках. Над черными омутами билась тонкая пена, дрожала рябь, и висели золотые бубенчики кувшинок, зато вода была такой

чистой и прозрачной, что можно было разглядеть камешки на отмели и лохматые водоросли. При виде ее все мое тело зачесалось с удвоенной силой. Мне не терпелось смыть с себя болотную грязь и я, рискуя свернуть себе шею, потихоньку, цепляясь за корни и ветви, сползла вниз.

На отмели я плескалась не менее получаса, впервые за сегодняшний день чувствуя себя счастливой. С того места, где я пыталась смыть себя грязь и неприятные воспоминания, прекрасно виден был Кордон, и теперь я знала, куда идти. Вечерело, но прогретая за день вода была теплой, так что обратный путь показался мне даже приятным.

Расслабившись, я смотрела по сторонам, разглядывая причудливо раскрашенный обрывистый берег острова. Волга в этом году отступила, обнажив то, что много лет скрывалось под толщей воды. Внезапно среди красновато-желтых пластов земли мелькнул черный провал. Во мне немедленно проснулось любопытство, так как очертания имели удивительно четкую прямоугольную форму. Неужто это дело рук человека?

Позабыв о данном себе слове быть пайнкой, я подобралась к дыре вплотную и убедилась в правильности своих предположений. Еще бы мне не убедиться, если вблизи обнаружилось, что провал забран чугунной решеткой, густо облепленной ракушками. Я попыталась заглянуть внутрь, но не преуспела: солнечный свет сюда не доходил, да и солнце уже почти село.

Я оценила размеры отверстия и решила, что это окно. Окно под землей? И под водой? Невиданное дело! Не ихтиандры же его строили. Но я тут же поняла, что ошиблась. Решетка была старинная. Может, сто лет, а, может и все триста. Русло реки тогда проходило гораздо правее, так что в те времена окно выходило на сушу. Но почему оно оказалось под землей? Я прикинула высоту берега – метров десять, не меньше. Глубоко!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.